свою вину, начал ее увеселять». Показательно, что в «Машиньке» легковерным оказывается не генерал, а судья, которые находят в его доме подаренные вещи или их копии и решают дело в пользу Слудина.

Соотношение персонажей в публикуемой повести иное. За свою дружбу и доверчивость, которые воспринимаются как неспособность к жизненной борьбе, король наказуется не только потерей жены, но и всеобщим посмеянием. Он воспринимается — не имея никаких отрицательных качеств — как отрицательный герой, неудачи которого должны показаться читателю достойными смеха. Неспособность к успешному решению своих практических дел воспринимается как порок. «И король пришел в великое посмеяние и стыд от всех государств. И от великаго стыда и несносной печали при старости своей безвременно и умре. А гишпанской королевич Александр с королевною своею Анною начаша жити со всяким благополучием и бесмятежно, и дожиша до старости лет, и преставилися, и погребены по королевскому обычаю с великою церемониею в печали. И тако сия история скончаласа, а слава их не миноваласа».

Как мы видим, гибель доверчивого короля не кладет пятна на репутацию героя.

В течение всего действия повести герой и героиня совершают бесчестные поступки — королевич лжет, обманывает друга. С королем он разговаривает «с великим уничижением» — эта формула повторяется несколько раз. Но дело в том, что моральные критерии ни к нему, ни к королевне вообще не применяются [14] — оба героя обладают энергией, способностью добиваться земного благополучия, и это обеспечивает им сочувствие автора и читателя.

Однако сходство с художественной структурой плутовской новеллы не исчерпывает своеобразия публикуемой повести. Для раскрытия других ее сторон необходимо коротко остановиться на взаимоотношении ее уже не с фольклором, а с печатным романом середины XVIII в.

Плутовская новелла сыграла прогрессивную роль не только тем, что разрушила церковную мораль, — она была связана и с общим изменением отношения художника к жизненному материалу. Эмпирическая реальность окружающей жизни переставала восприниматься как греховная и тленная — она делалась высшей целью вожделений, окружалась уважением и, естественно, становилась предметом литературного изображения.

Однако было бы в высшей степени неосторожно преувеличивать «реалистичность» новеллы такого типа. Эмпиризм ее имел и другую сторону Как мы видели, отрицая церковную мораль, он отбрасывал мораль вообще, отрицая средневековое спиритуалистическое единство мира, он отбрасывал единство вообще; отрицая иерархию абстрактных идей средневековья, он отказывался от всякой абстракции. Влечение к единичному факту, как и наивное стремление к упрощенным наслаждениям, как и отталкивание от любых теоретических обобщений, отражало то общественное сознание, которое свергло с себя бремя средневекового аскетизма, но не поднялось еще до идеи социального осмысления жизни.

---

[14] Образ волшебного помощника, например, беса в «Савве Грудцыне», кроме средневековой идеи пассивности человека, связан был и со средневековым морализмом: поскольку все действия героя вызваны наваждением, он может оставаться положительным, совершая предосудительные поступки. Ответственность падает на истинного виновника действий. Освобождаясь от помощников, герой тем самым брал на себя всю ответственность за моральную сторону своих действий. Поэтому Савва еще может, добиваясь жизненного успеха, оставаться героем, подлежащим моральному суду, Фрол Скобеев уже вообще вне этических оценок, ибо в противном случае вызывал бы у читателей не сочувствие, а осуждение.